

Т^{Ольга}
Покровская

Читайте в серии романы
Ольги Покровской

Останься со мной!

*

Тайна, или Идеальные любовники

*

Адюльтер, или Жена моего босса

*

Пока горит огонь

*

Пожалуйста, только живи!

*

Последняя бездна

*

Одна судьба на двоих

Татьяна Ольга Токровская

Семейная тайна

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П48

Художественное оформление серии
Д. Сазонова

Покровская, Ольга.

П48 Семейная тайна / Ольга Покровская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной и О. Покровской).

ISBN 978-5-699-95787-3

Александра, успешная и жесткая молодая женщина, довольно давно переехала в Америку, полностью посвятив себя карьере. В ее семье никогда не было теплых отношений: родители и дети жили независимо друг от друга и виделись очень редко. Но однажды несчастный случай собрал всю семью вместе, и тогда из глубин прошлого стали всплывать ужасные тайны. Одна из них полностью перевернула жизнь Александры, разбив с таким трудом наращенную ледяную броню.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95787-3

© Карпович О., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2018

Дела семейные

РОМАН

Вокно кабинета директора «Реабилитационного центра “Владимирское“» лезли лохматые ветки цветущей сирени. Задиристые воробьи, как видно, не поделившие что-то, метались туда-сюда среди пышных сиреневых соцветий, дрались и отчаянно верещали.

Воронцов Алексей Михайлович, рассеянно глядя на разорвавшихся птиц, сидел за столом, прижав к уху телефонную трубку, и напряженно слушал бубнивший оттуда монотонный голос.

— В связи с низкой окупаемостью санатория было решено пересмотреть... — бормотал безликие казенные фразы чиновник из Минздрава. — Встал вопрос о соответствии занимаемой должности сегодняшнего директора...

— Ты мне, голубчик, всю эту тряхомудию не втюхивай, — не выдержав, взревел Алексей Михайлович. — Прямо скажи: что, захотел новый начальник своего человека на мое место посадить, а?

Дышать было трудно...

Грудную клетку словно сдавило стальным обручем, и директор продолжал говорить, с трудом вытаскивая слова из пересохшего горла.

Кровь прилила к щекам, голову нещадно ломило, но остановиться, отдышаться не было сил.

— Я тридцать лет на этом месте, как приговоренный... А этот там... новая метла по-новому метет... слышать ничего не желаю... по собственному желанию... пусть, если такой прыткий, жопу от стула оторвет, сам придет и вышвырнет меня, как щенка... мать вашу...

Воронцов бросил трубку на рычаг, лихорадочно потер ладонями виски, взрывавшиеся от пульсирующей боли.

В голове метались отрывочные мысли: «Андрея позвать... Комиссию надо... Здесь же все моим трудом, вся моя жизнь... Пусть придут с проверкой, отчет составят...»

Он снова схватился за телефонную трубку, прорычал ответившей секретарше:

— Надя, Андрей Палыча ко мне, быстро!

Голова становилась все тяжелее, сердце уже колотилось, как будто внутри черепа.

Алексей Михайлович тяжело поднялся из-за стола, ухватился пальцами за столешницу, усилием воли удерживая проваливающееся сознание.

В дверь кабинета коротко стукнули, на пороге появился главврач санатория Новиков Андрей Павлович. Воронцов попытался сделать шаг навстречу, но ноги словно провалились в вязкую трясиину. Из горла вырвалось хриплое сдавленное бульканье...

Главврач едва успел подхватить тяжело повалившегося навзничь директора Воронцова.

* * *

Заседание по делу Маккинстри назначено было на девять утра.

Александра Воронцова еще раз просмотрела все документы, над которыми работала последние два

месяца. Бумаги толстыми стопками возвышались на столе, путались, рассыпались и грозили погрести под собой всю полированную столешницу. К счастью, лишних предметов, которым могли бы угрожать разросшиеся бумажные завалы, у Александры на столе не водилось — ни фотографий близких, ни памятных безделушек.

Александра в который раз перебрала подготовленные бумаги, отложила те, которые необходимо было представить коллегам на совещании, затем заглянула в ноутбук, проверяя, работает ли подготовленная ею презентация.

Все было в порядке.

До заседания оставалось еще пять минут, и Александра, приучившая себя тратить время рационально, отодвинулась в высоком крутящемся кресле от стола, встала и подошла к окну.

Между белыми пластиковыми полосами жалюзи можно было рассмотреть открывавшийся за стеклом солнечный пейзаж.

Утренний Чикаго. Город, который последние двадцать лет miss Vorontsov считала своим домом.

Офис располагался на двадцать втором этаже, и белые, влажно набухшие, подсвеченные розовыми утренними лучами солнца облака висели, казалось, прямо напротив окна, едва не цепляясь краями за крыши соседних, круто уходящих в небо многоэтажек. Далеко внизу можно было увидеть ухоженную изумрудную зелень парка, а чуть правее — чуть подернутую мурашками прозрачную воду залива...

Александра рассматривала открывавшийся за окном живописный вид вовсе не ради эстетического удовольствия. Последние несколько месяцев, по-

священные делу Маккинстри, ей приходилось работать по четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки. И глаза, никогда не подводившие ее раньше, вдруг начали сдавать из-за постоянного напряжения.

Вероятно, сказывался возраст. В сорок три проводить многочасовые бдения за компьютером оказалось несколько сложнее, чем в тридцать три. К концу трудового дня глаза начинали слезиться, а черные буквы на экране или на бумаге — расплываться и расплзаться. А значит — трудоспособность резко падала, с чем она никак не могла смириться.

Нужно было что-то делать, чтобы собственное тело, которое Александра всю жизнь считала не более чем оболочкой для мозга, больше не подводило. И Воронцова теперь старалась каждую свободную минуту давать глазам отдых, чтобы не допустить появления этих неудобных симптомов и унижительно-го чувства беспомощности, которое они влекли за собой.

Однако на этот раз ей не удалось уделить разглядыванию пейзажа за окном все остававшиеся у нее пять минут: в дверь осторожно постучали, и в кабинет просунулась голова Карен.

Двадцатитрехлетняя стажерка, которую взяли в фирму около полугода назад, последние два месяца исполняла функции личного помощника Александры. Девушка она была толковая и сообразительная, но, как вынуждена была отметить Воронцова, не слишком серьезная. По мнению Александры, девчонка слишком мало уделяла внимания работе и слишком много хихикала, чтобы рассчитывать на серьезную карьеру. Да и строгие белые блузки —

принятый в офисе дресс-код — вечно сидели на ней как-то криво.

Карен остановилась у противоположного конца стола Александры, уцепилась кончиками пальцев за край столешницы и, опустив дерзкие, всегда веселые карие глаза, заговорила:

— Мисс Воронцов, я хотела бы вас попросить. Не могли бы вы отпустить меня пораньше в эту пятницу? Дело в том, что мы с друзьями...

Александра, слушая ее, собирала нужные для со вещания бумаги в прозрачную папку.

Многословные объяснения Карен были ей вовсе не интересны. Она и так поняла, что девушка с компанией приятелей собирается провести выходные на каком-то музыкальном фестивале, где они, разумеется, будут слишком много пить, возможно, курить марихуану и заниматься беспорядочным сексом.

Как проводит Карен свое нерабочее время, конечно, Александры не касалось, но поощрять подобного рода развлечения в рабочее время она не собиралась.

— Карен, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Вы прекрасно знаете, как мы сейчас загружены в связи с делом Маккинстри...

— Но, мисс Сандра... — умоляюще затянула девушка.

Александра поморщилась.

Она терпеть не могла, когда ее имя пытались сократить подобным образом. Алекс — еще куда ни шло, но жеманное и кокетливое «Сандра»?!

В любом случае выслушивать причитания Карен у нее сейчас не было ни времени, ни желания, хотя будь у нее и то и другое — на ее решение это все равно бы не повлияло.

— Карен, давайте договоримся на будущее, — с обманчивой мягкостью в голосе произнесла Александра. — Вас не волнуют мои проблемы, а меня не будут волновать ваши. О'кей? Пойдемте, сейчас начнется совещание.

И, не обращая больше на девушку внимания, Александра, подхватив со стола папку с бумагами и ноутбук, вышла из кабинета.

Совещание прошло отлично.

Они с коллегами обсудили все, что было сделано по делу Маккинстри за последнее время. Александра собрала документы, включила звук на мобильном, который отключала на время встречи, — и телефон тут же взорвался звонком. Александра удивленно подняла брови, увидев высветившийся на экране номер.

Звонила мать — и это само по себе было удивительно.

Ее отношения с родителями, жившими в России, поддерживались парой дежурных звонков по скайпу в месяц. Звонок в неурочное время означал, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Воронцова поднесла трубку к уху и услышала:

— Сашенька, дочка...

В груди тотчас же возникло неприятное тревожное ощущение.

Мать не была щедра на ласковые обращения, и вместе с неурочным звонком это означало, что случилось что-то совсем плохое.

— Я слушаю, мама, — ответила она, с усилием заставляя себя переключиться на русский язык.

Мать лепетала бессвязно, перемежая речь всхлипываниями и причитаниями:

— Я столько пережила, столько выстрадала. Ах, Сашенька, папа... Эти проклятые министерские крысы... Новый человек в Минздраве, конечно, захотел продвинуть своего. А отец, он столько сделал для этого санатория! И теперь... insult...

— Мама, успокойся, — твердо прервала ее Александра. — Я ничего не понимаю. Что с отцом?

В конце концов ей удалось выяснить: у отца на работе возникли проблемы, и он, перенервничав, свалился с инсультом. Сейчас отец находился в бессознательном состоянии, прогнозы лечащих врачей были неутешительными.

Мать рыдала и требовала, чтобы Сашенька прилетела прощаться, потому что папы со дня на день не станет.

— Ох, я не могу больше, — всхлипывала мать. — Я забрала его домой из больницы. Здесь уход, сиделки, и я сама с медицинским образованием. Но это такой ужас, Саша. У меня сердце разрывается.

— Хорошо, — коротко произнесла Александра. — Хорошо, я приеду.

Она дала отбой и несколько минут, нахмурившись, невидяще смотрела на собственное размытое отражение в полированной поверхности овального стола для переговоров.

Первым и самым стойким поселившимся в ней чувством было раздражение.

Все случившееся было совершенно не ко времени, ей сейчас нельзя было улетать в Россию, у нее столько работы...

И мать, с ее бессвязным бормотанием, ничего толком не объяснила о состоянии отца, лишь жаловалась на то, как измучилась и издергалась. Затем пришел страх.

Переехав в Америку, она виделась с родителями довольно редко, но они оставались в сознании чем-то неизменным, постоянным. Не испытывая особой потребности к сближению, Александра знала тем не менее, что где-то там, на другом конце мира, они живут, общаются с другими своими детьми и внуками, работают. Отец, Алексей Михайлович, — вечно деятельный, вспыльчивый и суровый, — как всегда, муштрует своих подчиненных. Мать, Лидия Сергеевна, вылизывает дом, готовит свои разносолы и со стоической слабой усмешкой сетует на то, как тяжело ей приходится «с Алешей»...

Случившееся разом расшатало привычную картину мира, сделало все вокруг зыбким и неверным.

Неужели отец действительно может умереть?!

Этот вечный оплот стабильности и порядка в окружающем мире?

Но как же... Как?

Александра сцепила руки в замок, до боли сжала пальцы.

Ладно!

У нее сейчас нет времени на экзистенциальный ужас.

Ей нужно заказать билет на самолет, объяснить с партнерами, перераспределить часть работы, которую она собиралась сделать в ближайшие дни, на подчиненных. Кажется, Карен придется отказаться от поездки на музыкальный фестиваль и провести выходные в офисе. Черт, девчонка еще решит, что она придумала это нарочно...

Александра хмыкнула и через силу усмехнулась. Затем встала из-за стола.

Нужно было еще многое успеть.

— Почему он вообще не в больнице? — спросила Ася.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и поставила босые пятки на нагретое солнцем сиденье автомобиля.

За окном машины уже вечерело. Конечно, было еще светло — июнь все-таки, солнце не сядет раньше одиннадцати. Но лучи его были уже мягкими, нежаркими, отливали оранжево-розовым в окнах многоэтажек. Длинные белые многоподъездные дома словно грелись в остывающих солнечных лучах. Разнокалиберные автомобили, которыми был запружен проспект, то и дело сворачивали во дворы — добропорядочные семьянины возвращались домой с работы.

Скука.

— М-м? Почему он дома, а не в больнице, если ему совсем плохо? — повторила Ася и обернулась к отцу.

Тот ловко выкрутил руль, перестраиваясь в другой ряд, и посмотрел на нее поверх модных солнечных очков.

— Потому что мамуля — твоя бабушка — считает, что если у него и есть шанс выжить, то только дома, в обществе любимой семьи. Спорное утверждение, конечно. Но твоя бабушка — упорная, как пионер-герой, и готова превратить собственную спальню в больничную палату, перетащив половину персонала санатория к себе домой, если ей уж взбрело в голову, что это лучшая идея.

Ася задумчиво потерла пальцами царапину на коленке. Отросшая русая челка свесилась со лба прямо на глаза.